

Посмотрим, прёт ли нас учить?

Элино́р Фа́бре

Элино́р сидела в позе лотоса на земле и плела из фиолетовой и жёлтой лент новую фенечку. Пучок на её голове стал почти гнездом - холодный ветер выбил если и не половину, то хотя бы треть рыжих волос, норовя рыжими прядями зарядить девушке хотя бы в нос. Впрочем, Фабре порывы ветра упорно игнорировала, из-за чего стихия будто ещё пуще обижалась, сильнее шевеля волосы на затылке и пытаясь забрать себе разноцветные ленты из рук девушки, заодно выудив с её худых рук несколько браслетов. И в который раз стихия потерпела поражение, когда девушке это надоело, и она созданными порывами ветра оградила себя от бушующей стихии.

Беседку, стоящую в метре от неё, Элино́р тоже ловко не замечала, просиживая своё мягкое место на похолодевшей из-за ветра земле и наслаждаясь холодным воздухом, который чуть-чуть остужал мега-активность девушки. Закончив плести фенечку и ловко нацепив её на левую руку, Фабре взяла новые ленты: на этот раз тёмно-серую и вишнёвую. Ветер, однако, принёс в голову рыжей бестии бредовую мысль - сделать фенечку и Хёну. Вот и взяла цвет его якобы "натуральных волос" и цвет милого ушастого ёжика, в которого её парень-графоман превращался. И мордашка у него сразу такая становилась - милая, забавная. Так бы и затискала, да парня жалко.

То, что им предоставили тренировочное занятие, Элино́р ни капли не удивило. Естественно, а то прилетели тут с бухты-барахты, и право Мастера им подавай. Да и Хён предполагал что-то подобное, из-за чего девушка в очередной раз убедилась, что её возлюбленный если и начинает зрить, то прямо в корень. Только делает он это крайне редко, что очень даже хорошо. Не хватало ей ещё чёртова умника под боком иметь. Чертяры в её голове ей постоянно шептали, что Хён без своего неожиданного "зрения в корень" и прочих странных забабахов, как чтение десяти книг одновременно, перевирания цитат, абсолютнейшего спокойствия и, кажется, безграничного терпения не был бы таким симпатяшкой. Вообще бы Хёном не являлся, если подумать, его таким и не представить. Но фенечку ему сделать надо, пожалуй. А если откажется, то себе заберёт - а что, смотрится красиво. Тогда кореец сразу упадёт от зависти просто и сто раз пожалеет о том, что не принял подарок, да ещё попросит, чтобы ему второй шанс дали. Фабре будет долго ломаться, пожалуй. Но она добрая - в итоге отдаст этот шедевр парню, для него же делалось всё-таки. А у Элино́р и так браслетов полно - подумаешь, минус одна фенька, хоть и смотрится на ней прекрасно. А девушка проверяла - ненароком приложила незаконченное творение к худой руке.

Эми́ль Давенпорт

Эми́ль дома закатил самую настоящую, стопудовую и стопроцентную ревнючку, когда Фельтин и Дарси с занятия по ментальной магии вернулись все обласканные и обхваленные, самого-то Миля на занятиях никто не хвалил еще, да и вообще парнишку как-то мелко видели. Мальчишка только что землю копытцами рыть не начал от ревности и зависти. И громогласно заявил, что вот на следующее занятие

он пойдет и там тоже возьмет и добьется феерических успехов, чтобы все охнули и восхитились.

Долгое время, как назло, вообще ничего подходящего не подворачивалось. То мастер-классы, на которые Эмиль свою ленивую попу не тащил из принципа, мол, делать надо слишком много и слишком сложно, и вообще со всеми этими предложениями к Фельтину, пожалуйста, а Милю такое не интересно. Групповых занятий, как назло, не было вообще никаких, не организовывали их просто. Так что довольно длительное время Эмиль просто ходил и глухо маялся. А потом мама взяла и подписала его на занятие индивидуальное. Миль сперва попытался взбрыкнуть - вот желания сидеть с мастером нос к носу он до сих пор никак не выражал, в толпе, оно и проще, и безопаснее - но "взбрык" был подавлен на корню. А потом, когда Эмилю более подробно разъяснили все прелести предстоящей встречи, мальчик так и запылал желанием срочно бежать и устраивать всем сладкую жизнь в приближенных к экстремальным условиях.

Когда Эмиль дочапал до беседки у обрыва, там уже сидела ослепительно рыжая девушка и выписывала пальцами какое-то замысловатое макраме. Рыжие кудри Миль придирчиво осмотрел самым внимательным образом - и пришел к выводу, что не-не-не, причесон ученицы с испанской фамилией ему нравится куда больше. Не такой лохматый потому что. Девочки всегда должны быть аккуратно причесанными, а лохматостью пощеголять Эмиль и сам может, дурное дело-то нехитрое.

- Здравсте! Это типа Вы новый мастер? - не очень вежливо спросил мальчик - на новых мастеров у Мили успела выработаться ядреная аллергия, еще тот ледяной "бургомистр" был не забыт и не прощен - и, решительно плюхнувшись на землю рядом с рыжей, разрешил: - Я готов. Вещайте!

Элино́р Фа́бре

Элино́р до последнего надеялась, что белобрысое чудо, стремительно приближающееся - это просто гуляющий по обрыву пацан, который и не к ней вообще идёт. Кто знает - может с обрыва там прыгнуть захотел или заблудился малёк, - что там вообще с шестилетними пацанами бывает? - но как только он заговорил, надежда ухнула в пятки, а, может, туда, куда потом плюхнулся мальчик, в таком случае тогда её придавивший. Она, конечно, подозревала, что тут и совсем дети шныряют, устраивая всем подлянки, - по себе знает, что дети это крайне любят, в её случае это даже с возрастом не прошло, - но чтобы ей на занятие достался такой вот шкет?.. Забавно, что сказать. Что ж там тогда Хёну-то досталось? Ну ладно, её парень-то справится - мало того, что всякого вытерпит, но ещё и отпор даст! Да с таким вот умиротворённо-спокойно-равнодушным выражением лица, что какое-то там наглое дитё просто подавится своей невежливостью и потом будет вечно думать, как нагадить этому корейцу - только фиг там, Хён так просто не дастся! Он вообще не дастся, если быть точнее.

Выбившиеся рыжие локоны всё-таки надоели Фарбе своими ежесекундными нападениями, из-за чего были переплетены в крепкую аккуратную косу, -ну как аккуратную, просто она была заплетена настолько туго, что там и волоска не выпрыгнет, - убранную за спину и не имеющую теперь ни малейшего шанса как-то ещё напакостить или помешать. Завершённую фенечку для парня Элино́р тут же нацепила себе на правое запястье - в кармане потеряется, а так уже попрактикуется с этой фенечкой щеголять на случай отказа, который-то по сути невероятен. Потом такую же себе сделает, ага. А феньку на скорый день рождения отдаст - тогда точно

не откажется.

Этот мелкий засранец говорил не то чтобы вежливо - вообще наоборот, будто уже искренне её терпеть не может. Но, в общем, всё равно девушку позабавил. В частности, в старших классах Орлеанской школы она разговаривала с надоевшими учителями точно также - конечно, как она уже успела надоесть этому шпеньку, было непонятно. Впрочем, Элинор знала про такое только одно - лучше даже не стараться как-то вежливо украшать такие вот ходячие беды. Обнаглеют ещё пуще - а это вообще штука страшная.

- О, боже! Какой догадливый мальчик! - не смогла удержаться девушка, разглядывая это мелкое бедствие. - Спасибо за разрешение. Без этого вообще слова бы не решилась сказать, - и ещё уверительно закивала на последней фразе. Фарбе даже самой было интересно - она вот сейчас так маленько стебётся или всё же сверкает дружелюбием? Ну это сам пацан уже решит.

Вообще, если посудить логически, то Элинор и впрямь нужно быть повежливее хотя бы здесь, ибо скоро появится проверяющий. Но почему-то девушке вдруг стало на это глубоко плевать. Пытаться быть вежливой с этим мелким дурашкой - это огненными плевками - жаль, что лисичка-фенёк не умеет этого делать в отличие от дракончиков, - сжигать своё чувство справедливости и равновесия. Это что же получается - эта мелочь тут всюю проявляет недружелюбие и мелкую такую агрессию, а Фарбе ему будет тут поучительным тоном: "Повежливее, шкет, повежливее. Сейчас учить тебя будем"? Фарбе пока такого счастья не надо было, так что пусть будет как есть.

- Могу предположить, что ты ничегошеньки не знаешь про горловую чакру Вишуддха, то, что она голубого цвета, как её ощутить, и что вообще с помощью магии Воздуха можно сделать, - сказала Элинор, набросав в утверждение очень-очень краткое содержание последующей лекции. - Но кто знает, какие шпендели сейчас растут? Вдруг ты сверкаешь знаниями, да ещё такими, что мне можно смело пропускать всю эту теорию? Тогда могу предоставить тебе возможность смело об этом сказать, чтобы мы тут не рубили на это время. Ну что скажешь? - с не меньшим великодушием, чем недавно было у пацана, предложила Элинор. Самой девушке теория не особо нравилась, и будь эта теория объёмной, осязаемой и ощутимой, рыжая непременно бы объявила ей войну, используя в своих стратегах самого умного и начитанного человека, которого она вообще знает, и который, по её мнению, являлся одним из самых знающих людей своего дела в мире или хотя бы в монастыре - Хёна. Они бы тогда всех к чертям разнесли в пух и прах!

Но, к превеликому сожалению девушки, такой возможности пока что не представлялось. Приходится терпеть и зубрить теорию. И даже не зубрить, а вгрызаться зубами в это знание, чтоб не убежало при каком случае - а оно это дело ой как любит.

Эмиль Давенпорт

Быть "шпенделем", хоть и растущим, Эмиль был не согласен в корне, ни на каких условиях. И хмуро набычился, пытаюсь изобразить знаменитый взгляд старшего, мол, "не то чтобы я все понял, но уже чувствую, что мы с Вами, мадам, не споемся".

Но повторить этот эпический взгляд у Миля вышло плохонько, что послужило очередным поводом для претензий природе и вообще несправедливой жизни - ну как это так вообще делают, что из двух братьев один умеет так пронзительно зыркать, а у второго не выходит никак, и хоть растрескайся весь от зависти?

Растрескиваться Эмиль не умел и не планировал. Вместо этого парнишка издал носом грозный сопящий звук (старший в этом месте обязательно сказал бы что-нибудь вроде "о, бычка выпустили" и в мудрости своей ретировался бы на безопасное расстояние) и передернул плечами: - Ну что Вы, где же нам, шпенделям, теорию-то знать? Мы, понимаете, все больше друг другу кулаками по голове стучим, - в общем, Миль рванул прибедняться и рисовать самого себя шпаной ну совершенно без образования. Хотя вообще это было неправда, Эмиль, между прочим, уже и читал, и писал, и считал, а Валентин, так уже даже на иероглифы с кисточкой покушался. Неизвестно, чего там у него получалось, конечно, старший результатами своих трудов ни с кем не делился. Наверное, просто получались сплошные кривульки, вот Фельтин и боялся позориться.

- Но я Вас слушаю-слушаю, Вы рассказывайте. Я даже постараюсь все-все понять и запомнить, - успокаивающе помахал ладошкой Эмиль. И мстительно добавил, ерзая попой по земле и устраиваясь поудобнее: - Хоть я, конечно, и "шпендель" тот еще... Ну это же ужасное слово какое-то. Мерзкое такое, противное... и надо же было придумать так своего ученика обозвать! Мрак. Просто мрак, и слов даже других нет. А главное, привязалось теперь к языку...

Элино́р Фа́бре

Мальчик, услышав неотфильтрованную речь Элино́р, - а зря она за ней не следила, окаянной, - прям клешнями прицепился к слову "шпендель". Какая-нибудь ерунда вот такая с языка рыжей слетала просто мгновенно и без спроса, к чему вот другие начинают придираются. И вот из того, как мальчик его чуть-чуть выделял, когда говорил, девушка поняла, что за речью впредь придётся следить - вот привяжет же к маленькому ребёнку таких выражений, а он потом ей постоянно это припоминать будет. Дети - у них ведь прям совсем-совсем голова сильно не забита, а с монастыря куда-то там улетать Фабре не собиралась. Вот с мальчиком тоже ещё не раз наверняка встретится - а видеть его недовольную морщку как-то не хотелось. Нет, за речью впредь будет следить, это точно.

Отреагировал на это слово "шпендель" пацан мгновенно, как-то пытаясь её взглядом что-ли просверлить, а потом так вообще засопел и чем-то слабо напомнил разъярённого бычка. Ребёнок заметно прибеднялся, - даже некий сарказм чувствовался, - и вообще казалось, что это вот невинное словечко оскорбило мальчика до глубины души, ещё и уцепившись следом. Ну не совсем невинное, ладно. Элино́р вообще не любила, когда вот так к словам придирались, - сами будто никогда не оговаривались, - но всерьёз так пропитаться неприязнью к мальцу не могла. Он же такой миленький, просто мимимишный, прям чудо... пока не слушаешь, что он говорит. Вот как Элино́р, в точности просто.

Тот набросок, который она набросала сначала, Элино́р решила к чертям послать. Вообще, чтобы прочувствовать стихию, нужно её, в общем-то, как раз и прочувствовать. А для этого надо знать, что она вообще такое, а со всякими там чакрами попозже разберутся. Воздух - это вообще очень обширная тема для разговора.

- Ладно, мальчик, не прибежняйся, вижу же, что толк в тебе есть. Ты внимания на речь не обращай, оно как-то само вот так вылетает, гадость такая. Но да, буду за словами следить теперь, ага, - примирительно сказала Элинора, в общем-то на прощение и благодушие не рассчитывая. Но вот чтоб её ненавидели, как-то в планы не входило. И чтобы обижались - тоже. Особенно такой милый мальчик. - Разговор о чакрах и прочем мы отложим, а пока давай поговорим насчёт самой стихии - Воздуха. Я, конечно, в том, что ты будешь внимательно слушать и пытаться понять, не сомневаюсь, - тем более после твоего вот такого обещания - но тебе же, наверное, и самому будет интереснее включаться в разговор. И для понимания это будет легче, верно?

Самой девушке вот её предположения казались очень даже правильными и нужными. Вообще всегда лучше - когда можешь вставить свои пять копеек, чем когда выслушиваешь одну сплошную лекцию. На лекциях Фабре больше нравилось спать, чем слушать, да и разговаривать гораздо интереснее. Тем более маги Воздуха - это же существа жутко активные и непостоянные - вон хотя бы Элинора в пример взять. А мальчик наверняка был всё-таки как-то предрасположен к этой стихии, где-то в нём всё-таки вот черты, как у рыжей, проглядывались. Ну хотя бы Элинора так казалось.

- И ты, кстати, не обижайся на это "шпендель". У меня, как минимум, это слово обидного смысла не несёт, у меня вообще слов с обидным смыслом в арсенале нет. Так что прости. Расскажи лучше, каким ты себе представляешь ветер, - Фабре чувствовала, что извиниться всё-таки стоило. А ещё когда мальчик вот доупотреблялся этого слова, Фабре оно вдруг резко так начало бесить. Вот правда - когда сам употребляешь, вроде нормально, а когда другой, можно сказать, передразнивает... одним словом "Фу!" не отделаешься.

Эмиль Давенпорт

- Толк есть. Знаете, как меня брат с сестрой толкали в животе у мамы? О-о, да я весь полон толка! - вдохновенно заявил Эмиль, имея при этом лицо такое гениальностью крепко шарахнутое, словно он этот мощный ответ придумал сам, от начала и до конца. В действительности же фраза была крепко и безнадежно прихватушена у старшего. Фельтин обычно такой лихой телегой отвечал на сыплющиеся со стороны Миля и Дарси претензии типа "ну и фигли ты такой умный, аж жить рядом с тобой никакой возможности нет", сообщая в ответ, что, мол, сами виноваты, активные такие, меньше надо было перед рождением елозить и трепыхаться, сами же меня и затолкали до невозможности. Короче, фраза чужая - и Эмиль, едва успев её гордо произнести, воровато оглядывается: а ну как старший за кустами подслушивает и уже готов начать за грехи давить суровым авторитетом? Но нет, страшной кары из-за кустов не предвидится. И, едва осознав это, мальчик снова начинает выглядеть бравым молодцом.

- Ну, ветер, он такой, - емко начинал Эмиль, пропустив в речи мастера все, что было между "толком" и "ветром". Ну, как пропустив - не отреагировав никак. Хотя слышать паренек все слышал. Просто сразу перешел к заданному ему вопросу, не бултыхаясь по прочим комментариям. Младший старательно хмурит лобешник, пытаясь придумать ответ на вопрос. И наконец решает, что если людей иногда сравнивают со стихией, то и стихию тоже сравнить с человеком можно. Придя к

этому бесконечно мудрому выводу, Эмиль какое-то время созерцает небо, словно там где-нибудь на облаках прячется подсказка, и перебирает в голове всех своих знакомых, мастеров и просто обитателей монастыря. И наконец не очень уверенно говорит: - Ну, вот мне кажется, сифу Придд, он очень похож на ветер. Должен быть. Ну, если бы у ветра было лицо, то мне кажется, это было бы лицо сифу Придда. Или, может, лицо Риты, - мамину ученицу Эмиль вспомнил в последний самый, распоследний момент и вовремя в ответ воткнул. Но все-таки первая версия Милю нравится куда больше. О чем мальчик тут же и спешит сообщить мастеру.

Элино́р Фа́бре

Чего вдруг она разошлась на искренние и назойливые извинения, Элино́р не знает и знать не желает. Тут вообще надо злиться и топтать ногами, что вот так придираются к словам, а не извиняться за них, да только Фабре, к превеликому сожалению, пережила возраст, в котором топтать ногами и прыгать от злости допускается ещё. Теперь такую роскошь можно допускать разве что при Хёне, да и с ним не хочется. То, что мальчик решил эту тему больше не трогать - или вовсе мимо ушей пропустил - порадовало очень и очень сильно. Вот и здорово, никто ничего не слышал, никто ничего не ответил, никто не подумает, что Элино́р обязательно надо извиниться раз десять за свои слова-паразиты, которых всегда было много. Да учителя даже извинений не удостоивались, когда Элино́р что-то такое не очень хорошее ляпала при них.

Очень хорошо, что тема замялась, короче. Сейчас думать надо про то, как воспринимать такой ответ, когда понятия не имеешь, про кого речь вообще идёт.

Особым любителем новых знакомств Элино́р никогда не была и быть не собиралась, поэтому разгуливать по Линь Ян Шо и знакомиться со всеми мастерами и немастерами не хотела, решив, что "когда совсем припечёт и уже не отделаться, можно будет и поискать нужного человека для знакомства". Встретили, сказали про занятие, она пришла, всё идеально, все счастливы. Большого и не надо.

- Ну, предположим, ты ответил правильно. - Как выглядят Рита и сифу Придд, Элино́р понятия не имела, - поэтому с ними надо познакомиться, чтобы проверить, насколько достоверна информация, - но ребёнок имеет представление какое-то, этого, допустим, достаточно. - А как думаешь, ветер может стоять на месте и быть неподвижен?

Добиваться чего-то самостоятельно придуманного от мальчика Элино́р больше не хотела, не зная, кого ещё пацан может упомянуть. Легче уж тащить наводящими вопросами. Действенно же, вроде.

Эмиль Давенпорт

Быть прилежным учеником в течение всего занятия у Эмиля не вышло, как паренек ни крепился. Вот минуты две-три, наверное, Миль честно просидел с высокоумным, интеллигентным лицом, старательно изображая талант, мудрость и понимание на своей белобрысой физиономии. А потом мастерица вдруг опять ляпнула такое, что оставаться вежливым и терпеливым сил не было никаких.

Услышав новый вопрос, про неподвижность ветра, Эмиль тут же резко съехал с лица - наверное, даже услышать можно было, как не удержавшееся на носу выражение об землю брякнулось с грохотом. И посмотрел на Элино́р, удивленно подняв бровь - мол, ты чего тут лепишь, женщина? Только я в тебя уверовал, а ты

опять за старое?

Возмущенный вопрос "да что ж я, совсем дундук, по-вашему?!" младший дисциплинированно проглотил, рассудив, что нет, так орать - не вариант, мы же примерно это только что проходили. Вместо этого Эмиль терпеливо объяснил мастерице, словно тут он был наставником, а не она: - Ветер стоять не может. Совсем. Ветер - это движение воздуха. Если воздух стоит, то и ветра нет. Либо ветер куда-то мчится, либо мы имеем штиль за бортом, - блеснул Миль лихим пиратским выражением. И только на короткую секундочку усомнился, правильно ли применил его. Но, уж наверное, всяко правильнее, чем эта рыжая мастерица - свой вопрос нелепый. Ветер - и стоит, не, ну вы это слышали?
